

1 Марта

№ 5

XIX годъ.

№ 5

1908 года.

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫИ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СѢНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годового изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатн. листовъ, 3 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Имперіи. — За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, домъ № 18.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

по вѣдомству о. Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства.

1.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Кавалерской Думы Ордена Св. Владимира, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 22-й день сентября 1907 г., сопчислитель къ сему ордену 4-й степени: за безпорочную выслугу въ священномъ санѣ 35 лѣтъ: благочиннаго Кронштадтскихъ морскихъ церквей, протоіерея церкви Кронштадтскаго морскаго госпиталя Іакова *Погодина* и священника церкви 27 драгунскаго Кіевскаго Его Величества Короля Эдуарда VII полка Патрікія *Петровскаго* и за 25-лѣтнюю службу (съ бантомъ)—священниковъ церквей пѣхотныхъ полковъ: 12-го Великолуцкаго, благочиннаго церквей 3-й пѣхотной дивизіи Александра *Пославскаго* и 10-го Сибирскаго резервнаго Омскаго, благочиннаго церквей 3-й Сибирской пѣхотной резервной бригады Николая *Рождественскаго*.

2.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 11-й день января сего 1908 г. на награжденіе бывшаго священника церкви 1-го Хоперскаго полка Кубанскаго казачьяго войска Павла *Вантуданова*, нынѣ переведеннаго къ церкви 167 пѣхотнаго Острожскаго полка, за отличія, оказанныя имъ во время штурма 3-го октября 1904 года, и за доблестную службу его во время всей русско-японской войны, золотымъ наперснымъ крестомъ на Георгіевской лентѣ.

3.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, 18-го января сего года, на награжденіе штатнаго судового священника крейсера I-го ранга «Богатырь» Θεодосія *Станкевича* за отличія, оказанныя имъ въ бытность священнослужителемъ на крейсере I-го ранга «Россія» въ дѣлахъ противъ непріятеля во время войны съ Японіей, золотымъ наперснымъ крестомъ на Георгіевской лентѣ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ О. ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

Подвѣдомственному военному и морскому духовенству къ исполненію.

ОТЪ КОМИТЕТА СОСТОЯЩАГО ПОДЪ АВГУСТѢЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ О ГЛУХОНѢМЫХЪ.

(НА ИМЯ О. ПРОТОПРЕСВИТЕРА).

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, принимая во вниманіе: 1) что Попечительство Государыни Императрицы Маріи Теодоровны о глухонѣ-

ныхъ, созданное по волѣ и указаніямъ своей Августѣйшей Покровительницы, имѣеть не частное, но общегосударственное значеніе, 2) что Попечительство, въ цѣляхъ обученія, воспитанія и призрѣнія глухонѣмыхъ всѣхъ возрастовъ и состояній, въ настоящее время открыло уже въ 15 епархіяхъ разнаго рода благотворительныя учрежденія, въ коихъ обучаются и воспитываются свыше 1.500 глухонѣмыхъ и 3) что Попечительство, несмотря на свое быстрое развитіе, указывающее на насущнѣйшую въ немъ потребность русскаго населенія, является до сего времени совершенно не обеспеченнымъ въ матеріальномъ положеніи учрежденіемъ—опредѣленіемъ отъ 28 августа—5 сентября за № 5387, разрѣшилъ Попечительству Государыни Императрицы Маріи Феодоровны о глухонѣмыхъ ежегодно производить тарелочный или кружечный сборъ во всѣхъ церквахъ Имперіи въ теченіе 5-й седмицы Великаго поста, начиная съ четвергаго воскреснаго дня сего поста.

Въ виду вышеизложеннаго и озабочиваясь, дабы таковой сборъ въ пользу глухонѣмыхъ помогъ Попечительству возможно шире оказать помощь этимъ наиболѣе обиженнымъ природою людямъ, коихъ насчитывается въ Россіи свыше 150.000 человекъ, Комитетъ обращается съ покорнѣйшею просьбою благословить таковой сборъ во всѣхъ церквахъ Военнаго и Морского вѣдомствъ и оказать Ваше благосклонное содѣйствіе его успѣшному производству.

Съ момента своего открытія Попечительство пользовалось особенно внимательнымъ къ нему отношеніемъ духовенства. Такъ въ Харьковѣ во главѣ большаго училища глухонѣмыхъ, а также Казначеемъ Харьковскаго Отдѣла Попечительства стоитъ священникъ *Ветуховъ* организаторъ этого училища; въ городѣ Уфѣ во главѣ Уфлнской школы стоитъ учредитель ея протоіерей *Котельниковъ*; въ Сычевкѣ и Вязьмѣ священникъ *Троцкий* организовалъ двѣ школы попечительства о глухонѣмыхъ.

Въ Москвѣ Высокопреосвященнѣйшій *Владиміръ* организовалъ школу для глухонѣмыхъ при Перервинскомъ монастырѣ. Такое благосклонное отношеніе духовенства къ трудамъ попечительства много способствовало развитію дѣла обученія, воспитанія и призрѣнія глухонѣмыхъ въ Россіи.

Глубоко вѣря, что и въ данномъ случаѣ Попечительство встрѣтитъ столь же дѣятельное содѣйствіе, Комитетъ, испрашивая пастырское благословеніе на производство означеннаго сбора во всѣхъ церквахъ Военнаго и

Морскаго вѣдомствъ, имѣть честь препроводить печатаемое при семъ званіе, покорнѣйше прося Ваше Высокопреподобіе благословить прочтеніе его во всѣхъ вѣранныхъ Вамъ церквахъ священнослужителями.

ВОЗЗВАНІЕ:

Вздохъ Сердцевѣдца.

Среди многихъ чудесъ Господа Спасителя во святомъ Евангеліи повѣствуется о чудѣ исцѣленія глухонѣмого. Оно совершилось такъ.

Привели ко Господу, пишетъ евангелистъ Маркъ, глухого косноязычнаго и просили Его возложить на него руки. Иисусъ, отведши его въ сторону отъ народа, вложилъ персты свои въ уши ему и, плюнувъ, коснулся языка его. И возрѣвъ на небо, вздохнулъ и сказалъ ему: *εφφαθα*, т. е. отверзись. И тотчасъ отверзся у него слухъ, и разрѣшились узы его языка и сталъ говорить чисто (Марк., 8, 32—35).

Господь отводитъ несчастнаго въ сторону отъ толпы, влагаетъ персты въ уши его, прикасается увлажненнымъ слюною перстомъ къ языку его: всѣ эти дѣйствія показываютъ, съ какимъ участіемъ любви отнесся къ несчастному Господь Спаситель. Особенно-же трогательно въ исторіи сего исцѣленія—это слово—вздохнулъ. Вздохнулъ Сердцевѣдецъ Господь, призрѣвъ на скорби несчастнаго, возрѣлъ на небо—призвалъ Отца Своего небеснаго въ свидѣтели болѣзней, коими страдаетъ бѣдный человѣческій родъ, призвалъ молитвенно и Его божественную помощь, что дѣлалось въ особыхъ рѣдкихъ случаяхъ, и исцѣлилъ несчастнаго страдальца.

Глубоко несчастны лишившіеся зрѣнія или языка, но глухонѣмой лишенъ двухъ органовъ—слуха и языка неразрывно связанныхъ между собою. Уже по одному этому справедливо назвать его *вдвойнѣ несчастнымъ!* И дѣйствительно, онъ особенно бѣдствуетъ, потому что не слышитъ рѣчи другихъ и самъ ничего сказать не можетъ.

Возьмемъ самое тяжкое изъ лишеній органа зрѣнія. И при этомъ страшномъ лишеніи можно найти нѣкоторое духовное утѣшеніе. Лишенный зрѣнія не лишается общенія съ людьми. Онъ слышитъ живую рѣчь, самъ участвуетъ въ ней, заявляетъ о своихъ нуждахъ, пользуется указаніями и совѣтами близкихъ людей, слышитъ церковную пѣснь и молитву, назидается словомъ Божиимъ.

Совсѣмъ не то, даже совершенно противное, представляютъ несчастные глухонѣмые. Двойной оградой они отдѣлены отъ окружающей ихъ жизни. Ничего добраго они не слышатъ. Не могутъ заявить нужды своихъ иначе, какъ стономъ, крикомъ. Видятъ вокругъ себя людей занятыхъ, веселыхъ, но не знаютъ, что ихъ занимаетъ, о чемъ говорятъ эти люди, чему радуются. Въ душѣ у нихъ безпрепятственно, какъ дикая крапива, растутъ всѣ дурныя наклонности, и зависть, и злоба и срасти, и они все ниже и ниже опускаются въ жизнь чувственную, животную. А какія бури происходятъ въ душѣ ихъ при видѣ общенія другихъ, это знаютъ лишь они. И такъ, вотъ почему вознеся о нихъ къ небу вздохъ Спасителя міра!

Чудеса Господа Спасителя всѣ безъ исключенія сотворены по одному побужденію—любви Божественной къ бѣдствующему человечеству и, если мы дѣйствительно Его ученики и послѣдователи, то должно это и насъ располагать къ тѣмъ же чувствамъ любви и состраданія къ бѣдствующимъ.

Господь есть Владыка жизни и смерти. Его всемогущая сила исцѣляла болѣзни, восполняла лишенія жизни, укрощала морскіе вѣтры и бури, отгоняла злую демонскую силу, однимъ словомъ—возстановляла порядокъ жизни, нарушенный и нарушаемый людскимъ грѣхомъ. И намъ Онъ внушаетъ позаботиться о несчастныхъ, насколько можемъ, своею ограниченою силою, своимъ умомъ и стараніемъ. Умные люди изыскивали, нельзя ли какъ помочь и несчастнымъ глухонѣмымъ. И при помощи Божіей на этомъ поприщѣ человѣческой заботы достигнуты добрые успѣхи. Глухонѣмые теперь учатся не только чтенію, письму, счисленію, но даже говорить членораздѣльною рѣчью, главное-же, могутъ принимать наставленія въ вѣрѣ и благочестіи. По милости Божіей, открылись и открываются приюты и школы для нихъ. Исчезла съ лица ихъ дикость и угрюмость: веселые, радостные, они разумно объясняются и между собою, и близкими имъ. Слава и благодареніе Господу!

Но при этомъ новая бѣда: изъ огромнаго числа глухонѣмыхъ (больше 200,000 человѣкъ въ Россіи) пользуются этими пособіями въ жизни лишь весьма немногіе. Эти немногіе счастливы не дѣлаютъ-ли участь остальныхъ еще худшею изъ-за недостатка средствъ! И это въ богатѣйшей странѣ, съ неизмѣримыми сокровищами на водѣ и сушѣ и въ глубинахъ земныхъ.

Братіе—христіане! вспомнимъ этотъ глубокій вздохъ Спасителя нашего, эту безмолвную молитву, вознесенную Имъ къ Богу и Отцу о нес-

частномъ глухонѣмомъ, и постараемся, поспѣшимъ отереть слезы отцевъ и матерей этихъ несчастныхъ, облегчить ихъ невыносимыя страданія, предотвратить отъ нихъ тѣму невѣдѣнія и порока—своею добровольною во имя Господа Спасителя жертвою!

За Предсѣдателя Комитета Попечительства Графъ *Н. Гейденъ.*

Обрѣшенный въ 1788 г. изъ древней мусульманской мечети въ православный храмъ крѣпостной военной соборъ въ г. Очаковѣ въ 1906 г. былъ совершенно, до неузнаваемости, перестроенъ безъ вѣдома Императорской Археологической Комиссiи.

Между тѣмъ, 11 марта 1889 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы реставрація монументальныхъ памятниковъ древности произеодилась по предварительному соглашенію съ Императорскою Археологическою комиссiею (Собр. узак. и расп. прав. 1889 г. ст. 352). О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, было опубликовано въ № 49 официальной части «Церковныхъ Вѣдомостей» за 1894 годъ для должнаго руководства и исполненія по вѣдомству Православнаго Исповѣданія. Такое распоряженіе Святѣйшаго Синода, въ виду бывшихъ и послѣ сего случаевъ нарушенія его, вновь было подтверждено чрезъ напечатаніе въ № 7 официальной части тѣхъ же вѣдомостей за 1905 годъ.

Предписываю подвѣдомственному мнѣ духовенству принимать, гдѣ будетъ слѣдовать, зависящія мѣры къ неуклонному и точному исполненію означеннаго Высочайшаго повелѣнія 11 марта 1889 г. о порядкѣ разрѣшенія реставраціи памятниковъ древности.

Протопресвитеръ *А. Желобовскій.*

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

О б ъ и с п о в ѣ д и .

«Жертва Богу — духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничтожитъ».

Приближаются дни исповѣди и покаянія! Еще разъ раскроемъ мы предъ Всевѣдущимъ мрачный свитокъ нашихъ дѣяній; еще разъ услышимъ отъ лица Его прошеніе во всемъ, содѣянномъ нами, и пойдемъ въ домъ свой оправданными! Такъ неистощимо милосердіе къ намъ Господа нашего! Правосудіе Его могло бы совершенно отвергнуть нынѣшнее покаяніе наше: могло бы сказать намъ, что, такъ какъ мы, принося столько разъ покаяніе и принимая столько же разъ прошеніе, не перестаемъ оскорблять Его грѣхами нашими; то и Господу Богу остается уже не миловать напрасно рабовъ преступныхъ и лукавыхъ, а вооружаться противъ нихъ судомъ и казнію. Но такъ не поступалъ съ нами Милосердый Богъ: предъ престоломъ правды и нынѣ мы обрѣтемъ ту же милость, ту же любовь и всепрощеніе.

Чувствуешь ли ты это, душа грѣшная? Чувствуешь ли, что ты давно стократъ достойна наказанія, а тебѣ опять отверзтъ рай и царствіе Божіе? Блюдись же, чтобы милость эта не была явлена надъ тобою въ послѣдній разъ!

На землѣ нѣтъ никого, кто бы могъ сказать намъ навѣрное, что настоящая исповѣдь наша не есть для насъ послѣдняя. Это могъ бы сдѣлать Единъ только Тотъ, *въ десницу Коего ключи ада и смерти* (Апок. 1, 18), *о Немъ же вси живемъ, движемся и есмь.* (Дѣян. XVII, 28). Но Онъ Самъ въ огражденіе насъ отъ безпечности, благоволилъ возвѣстить намъ въ евангеліи Своемъ, что день и часъ, какъ Его къ намъ пришествія, такъ и нашего къ Нему отшествія, должны оставаться тайною для насъ.

Послѣ сего каждый, кому дорого спасеніе души своей, принося нынѣ исповѣдь, долженъ привести ее такъ, какъ бы приносилъ ее въ послѣдній разъ въ жизни своей.

А какъ бы мы исповѣдывались, бывши на одрѣ смертномъ? Исповѣдывались бы съ глубочайшимъ сокрушеніемъ духа и совершеннымъ отреченіемъ отъ грѣха, который тогда потерялъ бы для насъ всю свою пре-

лесть; исповѣдывались бы всецѣло, ничего не скрывая; ибо что таиться предъ смертію? Исповѣдывались бы съ твердою рѣшимостью не уклоняться болѣе на путь лжи и беззаконія; ибо тогда во всей силѣ открылась бы предъ нами необходимость для человѣка жизни чистой и святой.

Поступимъ точно такъ же и теперь, какъ мы поступили бы на одрѣ смертномъ. Раскроемъ предъ Всевѣдущимъ всю свою душу и сердце, всѣ тайны страстей и грѣховныхъ вождельній. Пусть милосердіе Божіе узритъ всѣ язвы и всю нечистоту нашего внутренняго человѣка; оно узритъ ихъ только для того, чтобы тѣмъ прочнѣе исцѣлить ихъ.

Принявъ прощеніе во грѣхахъ, немедленно изгонимъ ихъ не только изъ жизни, но даже изъ самаго воображенія и памяти нашей; пусть они остаются долею врага нашего, который соблазнялъ насъ на грѣхъ и радовался, когда мы преступали заповѣди Господни.

Давъ предъ св. крестомъ и евангелиемъ обѣтъ вести жизнь чистую и благую, будемъ повторять себѣ сей обѣтъ утро и вечеръ, въ часы радости и печали, въ храмѣ Божіемъ и дома, сидя за трапезой и покоясь на ложбѣ, дабы дѣло нашего спасенія никогда не выходило изъ нашей памяти и обратилось въ главное дѣло нашей жизни.

А для утвержденія себя въ этомъ необходимомъ подвигѣ, для огражденія себя отъ новыхъ соблазновъ жизни, отъ новыхъ страстныхъ нападеній, возьмемъ съ собою отъ св. аналая, въ напутіе жизни, память смертнующую; ибо не напрасно сказано Премудрымъ: *«поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши»* (Сир. 7, 39).

(По соч. Арх. Иннокентія Херс.).

Предъ св. Причащеніемъ.

Св. пророкъ Моисей однажды на горѣ увидѣлъ купину (кустъ), которая горѣла и не сгорала; онъ хотѣлъ подойти къ ней поближе, чтобы рассмотреть столь чудное явленіе, но вдругъ услышалъ голосъ изъ купины, къ нему говорящій: *Моисее, Моисее! не приближайся съмо; иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ* (Исх. III, 4, 5).

Да! Купина, видѣнная Моисеемъ, подлинно, была явленіе чудное и страшное, ибо горѣла и не сгорала: ибо изъ купины говорилъ самъ Богъ. Не столь же ли чудна и страшна св. чаша, которой мы предстоимъ и къ

которой приступаемъ? Здѣсь, въ этой святой чашѣ, подѣ видомъ хлѣба преподается намъ истинное тѣло Господа нашего Иисуса Христа, а подѣ видомъ вина—истинная кровь Его. Здѣсь, въ этой св. чашѣ, огонь божественный, чудный, страшный огонь, достойныхъ очищающій, а недостойныхъ попадающій и сожигающій. И потому отъ лица Бога, нѣкогда говорившаго изъ купины и теперь таинственно здѣсь присутствующаго, можно сказать всякому, приближающемуся къ св. чашѣ: *не приближайся сѣмо; иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ*: развяжи прежде всѣ грѣховныя узы, связующія твою душу.

Время еще не ушло; еще можно сдѣлать то, чего ты не могъ или не хотѣлъ, а долженъ бы сдѣлать прежде. Благоразумный разбойникъ, и на крестѣ вися, успѣлъ приготовить себѣ входъ въ рай. Не удерживай въ душѣ твоей болѣзненныхъ вздоховъ: эгими вздохами душа освобождается отъ грѣховъ. Не стыдись твоихъ сердечныхъ слезъ: это бальзамъ на раны грѣховныя. Забуди все земное, тебя окружающее: на тебя теперь смотритъ все воинство небесное.

Ты теперь какъ бы на страшномъ судѣ: ты причастишься или въ жизнь вѣчную или въ осужденіе вѣчное. Итакъ, скажи въ душѣ своей: я грѣшникъ, первый въ мірѣ грѣшникъ; но я впередъ не хочу уже быть таковымъ, я хочу исправиться, хочу бросить худыя дѣла, оставить порочныя намѣренія, только сподоби меня, Господи, теперь достойно причастишься пречистыхъ Твоихъ Тайнъ. *Вѣрую Господи*; только помози моему невѣрію, *вѣрую, яко Ты воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти; еще вѣрую*, и еще молю Тебя, помози моему невѣрію, *еще вѣрую, яко сіе самое есть пречистое тѣло Твое, и сія самая честная кровь Твоя*. Не даю Тебѣ лобзанія Іудина; нѣтъ, я уже не промѣняю Тебя ни на какія удовольствія, не продамъ Тебя ни за какую цѣну; только помилуй меня и сподоби, хотя одинъ разъ въ жизни, *неосужденно причаститися пречистыхъ Твоихъ Тайнъ*.— И отпустятся тебѣ грѣхи твои.

(Изъ поуч. прот. Р. Путятина).

М о л и т в а.

Отцы—пустынники и жены непорочны,
 Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
 Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
 Сложили множество божественныхъ молитвъ;
 Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую священникъ повторяетъ
 Во дни печальные великаго поста;
 Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
 И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
 «Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
 Любоначалия, змѣи сокрытой сей,
 И празднословія не дай душѣ моей;
 Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
 Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
 И духъ смиренія, терпѣнія, любви
 И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи».

А. С. Пушкинъ.

 Тайна исповѣди ¹⁾.

Среди недоумѣнныхъ вопросовъ исповѣди видное мѣсто занимаетъ вопросъ относительно сохраненія духовниками въ полной тайнѣ исповѣданныхъ имъ духовными чадами грѣховъ, а равно и вопросъ относительно перемѣны духовныхъ отцевъ.

Повидимому, вопросъ о тайнѣ исповѣди такъ ясенъ и простъ, что и говорить о немъ, значитъ напрасно только терять время. На самомъ же дѣлѣ, въ немъ есть «нѣкія сумнительства», требующія пристальнаго вниманія.

Съ одной стороны, наши дѣйствующія правила очень опредѣленно внушаютъ пресвитерамъ «блюсти, да не откроютъ они никому исповѣданнаго грѣха, ниже да намѣтятъ въ генеральныхъ словахъ или другихъ какихъ

¹⁾ Извѣстіе по С.-Петербургской Епархіи, 1907 г. №№ 7—8, стр. 9.

примѣтахъ но точію, какъ вещь запечатлѣнную, держать у себе, вѣчному предавъ молчанію; въ противномъ же случаѣ подвергаютъ себя пресвитеры жестокому наказанію» (Кн. о должн. пресв. прих. § 109). Наказаніе это съ опредѣленностію указано въ «духовномъ регламентѣ». Состоитъ оно «въ лишеніи виновнаго духовника—священства и преданіи его мірскому суду».

Съ другой стороны, если кто при исповѣди объявитъ духовному отцу свое «нѣкое несодѣланное, но къ дѣлу намѣренное отъ него воровство, ваипаче измѣну или бунтъ на Государя или на Государство или злоумышленіе на честь или здравіе Государево и на фамилію Его Величества, а объявляя толикое намѣренное зло, покажетъ себе, что не раскаявается, но ставитъ себѣ въ истину, и намѣренія того не отлагаетъ и не яко грѣхъ исповѣдуютъ, но паче дабы тако согласіемъ или молчаніемъ духовника своего въ намѣреніи своемъ утвердился... то долженъ духовникъ не тако его за прямо исповѣданные грѣхи прощенія и разрѣшенія не сподоблять (не есть бо исповѣдь правильная, аще кто не всѣхъ беззаконій своихъ кается), но донести вскорѣ о немъ, гдѣ надлежитъ... Симвъ объясненіемъ беззаконія намѣреннаго—не нарушается исповѣдь, понеже таковое объявленіе не есть исповѣдь, но коварное къ прельщенію совѣсти своей ухищреніе на конечную тѣмъ злодѣемъ погибель». И мало того! «Духовникъ симъ объявленіемъ не объявляетъ совершенно исповѣди, и не преступаетъ правила, но еще исполняетъ—будто бы—ученіе Господа, тако реченное: «аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди обличь его»... (пр. 11). «Надлежитъ также весьма пресѣцать разглашеніе ложныхъ чудесъ—это «законопреступное» и благочестію вредительное дѣйство, если вымыслитель объявитъ на исповѣди этотъ свой вымыселъ, а раскаянія на то не покажетъ: духовники о такихъ случаяхъ объявлять должны суть нескротно и неукоснительно (16)».

Нужно—располагать кающагося къ обнаруженію имъ самимъ своего злодѣянія передъ властями. Если же онъ не захочетъ исполнить совѣта, то не давать ему разрѣшенія въ грѣхахъ, *сохранняя въ тайнѣ узнанное на исповѣди*, за исключеніемъ случаевъ, когда открыто будетъ на исповѣди объ опасности, угрожающей Монарху, Императорскому Дому или государству.

Было время въ сѣдой древности христіанства, въ IV—V вѣкахъ, когда духовникъ *могъ* о всякомъ грѣхѣ, открытомъ ему на исповѣди, публично объявлять, по требованію обстоятельствъ. Никакихъ каръ за открытіе грѣха не назначалось тогда, хотя, повидимому, и не считалось съ пра-

вительственной точки зрѣнія безразличнымъ это дѣяніе. Такъ, Амвросію архіепископу Медиоланскому въ особую заслугу ставится, что онъ, «по личному своему почину, никому не открывалъ, кромѣ Господа, исповѣданныхъ ему преступлений, оставляя священникамъ *добрый примѣръ*, дабы они были болѣе ходатаями предъ Богомъ, нежели обвинителями передъ людьми» (Алмазовъ: Тайная исповѣдь, т. I, стр. 61).

Сѣдая та древность понимала, что *публичное* открытіе грѣха, *тайно* исповѣданнаго, можетъ повести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ: исповѣдникъ можетъ публично не признаться въ томъ, что онъ говорилъ духовнику (Епископу) на исповѣди, а духовникъ ничѣмъ не сможетъ доказать правды своихъ словъ. Если же онъ вздумаетъ не имѣть общенія съ этимъ непризнающимся, ему самому угрожало за это лишеніе общенія съ прочими епископами. Во избѣжаніе такихъ печальныхъ явленій Кароагейскій соборъ (318 г.) совѣтуетъ Епископу «блустися», «да не глаголетъ онъ о комъ-либо (того), чего предъ другими не можетъ утвердить доказательствами, и не обижаться если не полагаются на (слова) *одного* епископа» (пр. 147). Въ такомъ же ложномъ положеніи могутъ оказаться и современные духовники, если они станутъ доносить по начальству о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ «духовномъ регламентѣ»: какія у нихъ фактическія данныя въ рукахъ для того, чтобы выступать обвинителями въ тяжкихъ преступленіяхъ, кромѣ признанія въ нихъ исповѣдника? А признаніе это можетъ быть взято и назадъ. Тогда положеніе обвинителя нельзя будетъ назвать блестящимъ... Но главное то зло доносовъ такого сорта не въ этой сторонѣ ихъ, не въ доказуемости ихъ, а въ низведеніи великаго и священнаго таинства на степень какъ бы западни-ловушки для неосторожныхъ или слишкомъ откровенныхъ исповѣдниковъ: вмѣсто «врачебницы» исповѣдь обратится въ камеру судебного слѣдователя. Никакое сердце не раскроется настезь предъ этимъ страшилищемъ, а замкнется на всѣ запоры, дабы не дать пищи доносу. Грѣшникъ будетъ страшиться раскрывать и *другіе грѣхи*, кромѣ злоумышленій политическаго характера, если у него нѣтъ твердаго намѣренія бросить иной грѣхъ, или если онъ недоумѣваетъ, возможно ли такой то грѣхъ загладить «плодами, достойными покаянія». Могутъ вѣдь быть и такіе грѣхи! Представьте, что духовнику повѣдано о растлѣніи дѣвства, или объ убійствѣ, хорошо скрытомъ отъ людскихъ взоровъ. Какъ тутъ заглаживать грѣхъ, чтобы исповѣдь во истину была раскаяніемъ? По нашимъ канонамъ—блудники и убійцы должны быть наказы-

ваемы отлученіемъ отъ Св. Причащенія на долгое время—отъ трехъ лѣтъ едва ли не до тридцати ¹⁾). Такое отлученіе почти тождественно съ объявленіемъ о преступленіи: только слѣпой не увидитъ, что предъ его глазами великій грѣшникъ, надолго лишенный общенія чаши вмѣстѣ съ прочею братією. Ничѣмъ не легче это отлученіе отъ чаши—древняго «поношенія безчадства». Каждый воленъ приписать отлученному какой ему угодно грѣхъ. Вотъ въ виду тяготящей надъ тяжкимъ грѣшникомъ тяжелой кары отлученія, а особенно въ виду прямого предписанія закона объявлять о нѣкоторыхъ грѣхахъ начальству, если усмотрѣно будетъ, что грѣшникъ не можетъ, такъ сказать, начисто расчитаться съ этими грѣхами *однимъ* покаяніемъ предъ духовникомъ, — въ виду этого и закроеся, мы говоримъ, наглухо дверь въ грѣшное сердце. Вмѣсто полнаго раскрытія язвъ грѣховныхъ, грѣшникъ станетъ думать у исповѣдальнаго аналоя только о томъ, какъ бы ему не проговориться, не поднять неосторожно завѣсы надъ тайными ранами, которыя отецъ духовный, духовный врачъ, не елеемъ милостиваго прошенія цѣлить будетъ, а станетъ поставлять о нихъ холодный и жесткій діагнозъ, какъ о недугахъ, требующихъ судебной экспертизы, кары правосудія.

То правда, что покаяніе въ истинномъ смыслѣ есть не только «повѣсть» о грѣхахъ, а изъявленіе искреннѣйшаго намѣренія не возвращаться вновь въ ту грязь грѣха, какая омыта водою покаянія. Оно—не показъ только язвъ, а горячее желаніе приложить къ нимъ цѣлебный пластырь. Покаяніе—это пылающій огонь, въ который и должны быть брошены плевелы душевные: пусть они и сгорятъ, испепелятся въ немъ навсегда!.. Но отсюда нельзя выводить, что—ежели въ грѣшникѣ нѣтъ пламеннаго стремленія «попалить терніе прегрѣшеній», нѣтъ непреклонной воли идти впредъ прямыми, правыми путями въ жизненномъ странничествѣ, то можно и объявить объ его грѣхахъ: ибо этимъ объявленіемъ «не унижается исповѣдь, такъ какъ и «самой исповѣди не было»...

Даже еще заповѣдь евангельскую соблюдеши «о повѣданіи Церкви грѣховъ непослушливыхъ своихъ собратій»... На самомъ же дѣлѣ истинный выводъ тутъ одинъ: «не оставляемый грѣшникомъ грѣхъ—при немъ и остается». И только! «Повѣданіе Церкви» вовсе не о таинствѣ исповѣди говоритъ. На исповѣди я самъ раскрываю душу, а тутъ, очевидно, грѣшникъ не хочетъ сознаться въ грѣхѣ, его уличаютъ въ разныхъ инстанціяхъ,

¹⁾ Вас. В. пр. 38, 56. Анк. 22; Гр. Нис. 5 и др.

усиленными мѣрами. На исповѣди — дѣло касается только совѣсти грѣшника, а въ этихъ публичныхъ обличеніяхъ — кромѣ согрѣшившаго собрата дѣйствующимъ лицомъ является и обиженный имъ собратъ, ищущій себѣ искупительной жертвы... На исповѣди не можетъ быть такого постановленія, что грѣшникъ съ этой минуты будетъ для церкви, какъ язычникъ и мытарь... Нѣтъ, исповѣдь — не судъ, а именно «врачебница», которая никогда не имѣетъ цѣлю — опозоривать паціентовъ, а только врачевать ихъ, и тѣмъ паче исповѣдь *тайная*, а не публичная, не можетъ переходить въ *явную*, открытый, публичный судъ. По «Извѣстію Учительному» лишь «*явныи грѣшники*, блудники и блудницы, наложницъ имѣющіе и самыя тыя наложницы, прелюбодѣи, лихоимцы, чародѣи, ворожбиты всякія, святотатцы, хульники, срамословцы и всякое безчинство, зазоръ и укоръ творящій, и нини симъ подобнии всячески *отъ таинства причищенія отлучени да будутъ*, — донелѣже истинно не покаются и плоды достойны покаянія не сотворятъ, и соблазны, ихже *явн содѣлаша* и содѣлавають, покаяніемъ своимъ *явленно не потреблять*». По отношенію къ «*сокровенымъ грѣшникамъ*, тако исповѣдывающимся» совѣтуется духовнику «исправлять ихъ благоразумно. При всей темнотѣ этого совѣта, ясно, что духовникъ не долженъ ставить грѣшника, *тайно* кающагося, въ *явное*, соблазнительное *подозрѣніе* — отлученіемъ его отъ Св. Таинъ. Не говоримъ же о величайшей соблазнительности прямой *огласки* чрезъ духовника исповѣданныхъ ему грѣховъ. Кажется, духовникъ могъ бы поучиться отношенію къ нераскаяннымъ грѣшникамъ у Самого Господа. Каину, замыслившему братоубійство, Господь сказалъ: «почему ты огорчился и отъ чего поникло лице твое? Если дѣлаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не дѣлаешь добраго, то у дверей грѣхъ лежитъ! онъ влечетъ тебя къ себѣ, но ты господствуй надъ нимъ». Каинъ не внялъ предостереженію: — онъ отворилъ дверь въ душу для грѣха — убилъ брата (Быт. IV)... Тайная мысль Каина не сдѣлана явною ни для невиннаго Авеля, ни для родителей ихъ. Господь попустилъ грѣху совершиться, имѣя силы предупредить его. Злу не заграждена дорога, злу ужаснѣйшему, вопіющему къ Богу объ отищеніи, легшему и на чело братоубійцы огненнымъ проклятіемъ. Какая страшная тайна судебъ Божіихъ!.. А мы, люди, подумали совсѣмъ не-божески относиться къ тайнамъ, грозящимъ не только великими ужасами обществу или его членамъ, но даже и къ такому совсѣмъ ужъ не ужасному бѣдствію, какъ «*воровство*» въ возможности: мы

благословляемъ разглашать *такія* тайны, дабы предупредить грядущую на насъ бѣду. Въ наивномъ простодушіи мы не подозреваемъ, что наша тактика въ отношеніи къ тайнамъ возможна въ томъ лишь случаѣ, если исповѣдники не будутъ знать, что духовникъ *при случаѣ* можетъ явиться свидѣтемъ о содѣянныхъ грѣхахъ не только предъ Богомъ, — какъ это внушается въ чудномъ «завѣщаніи» чина исповѣди: «се, чадо, Христосъ невидимо предстоитъ», — но и предъ начальствомъ. Узнай этотъ «секретъ» — исповѣдники, а узнать они *должны* чрезъ духовниковъ, обязанныхъ объяснять исповѣдникамъ сущность истиннаго покаянія и условія разрѣшенія или связыванія грѣховъ, — тогда, ясное дѣло, никакой грѣшникъ не раскроетъ духовнику своихъ злыхъ думъ и плановъ. Зачѣмъ?

Нѣтъ, у духовника должны быть только уши для выслушиванія грѣховъ, и совсѣмъ не должно быть языка для разглашенія ихъ за предѣлами исповѣдали. Господь Иисусъ Христосъ не обличалъ Іуду съ *полною ясностью* даже предъ ближайшими Своими учениками. Изъ намековъ Господнико, кромѣ ап. Іоанна, не узналъ въ Іудѣ предателя, который безпрепятственно и сотворилъ свое гнусное дѣло.

Замѣчательно, что Господь удостоилъ «сына погибельнаго» пріятія Св. Тайнъ. А мы убійць лишаемъ причащенія ¹⁾. Повидимому, даже въ Вѣтхомъ Завѣтѣ снисходительнѣе къ нимъ относились. Давидъ убилъ Урію, приказавши Іоаву поставить его тамъ, гдѣ — самое сильное сраженіе. Это сознательное злодѣяніе Давида омыто было слезами его въ тѣ минуты, когда пророкъ Наѳанъ изрекалъ ему волю Божию: «сказалъ Давидъ Наѳану: согрѣшилъ я предъ Господомъ. И сказалъ Наѳанъ Давиду: и Господь снялъ съ тебя грѣхъ твой» (II Цар., XII). Милосердый Господь разрѣшилъ великаго грѣшника «во единомъ часѣ», какъ и благоразумнаго разбойника, а мы держимъ такого рода грѣшниковъ въ положеніи «отверженныхъ» десятки лѣтъ, не помогая ему самыми мощными средствами — Св. Причащеніемъ — «оживать изъ мертвецовъ живыхъ», и это въ то время, какъ сами же внушаемъ грѣшнику, что у Бога «милость беззѣрная», «превосходящая беззаконія»...

Достойно вниманія, что свѣтскіе криминалисты понимаютъ «тайну исповѣди» совсѣмъ не въ смыслѣ и духѣ «духовнаго регламента». По мнѣнію извѣстнаго А. О. Кони, «пребываніе духовника у постели умирающаго

¹⁾ Это лишеніе Тайнъ есть ясная «примѣта» грѣховности, а «книга о должностяхъ» запрещаетъ «намѣчать въ какихъ либо «примѣтахъ» исповѣданный грѣхъ.

есть цѣльный, длительный единый актъ. Поэтому, *признаніе, полученное* даже *не* на исповѣди, а лишь *на почвѣ исповѣди*, пока не прервалось вызванное исповѣдію общеніе между исповѣдникомъ и отцомъ его духовнымъ, — *не подлежитъ оглашенію*. На немъ должна лежать «печать исповѣди».

Намъ думается, что въ «духовный регламентъ» достойно и праведно внести «поправку», предложенную свѣтскимъ юристомъ: духовнику грѣшно переходить въ свидѣтеля по уголовному дѣлу». Духовникъ долженъ быть свидѣтелемъ о грѣхахъ духовныхъ чадъ—«точію предъ Богомъ».

Протоіерей Н. Дроздовъ.

Привычка къ сквернословію предъ Богомъ грѣховна и для Отечества позорна.

*Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ
и дверь огражденія о устнахъ моихъ.*

Говорятъ, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ еще такого уголка, гдѣ бы сквернословіе было такъ распространено, какъ у насъ на Руси православной. Выходить, стало быть, что въ этомъ отношеніи мы хуже всѣхъ дикарей. А среди васъ, воины, этотъ порокъ, съ прискорбіемъ приходится признаваться, распространень сособенно сильно. У многихъ гнилое, скорбительное и для Бога, и для всякаго цѣломудреннаго слуха, матерное слово вошло въ такую привычку, что безъ него, какъ безъ необходимой приправы, иной обійтись не можетъ ни въ какомъ разговорѣ—ни въ дѣловомъ, ни въ шуточномъ. Ругается иной и въ гнѣвѣ, и въ дружеской бесѣдѣ; ругается—и въ пьянствѣ, и трезвомъ состояніи; ругается—и дома, и на улицѣ, публично, не стѣняясь ни чьимъ присутствіемъ, въ какомъ угодно обществѣ, даже при дѣтяхъ и женщинахъ; ругается—и не замѣчаетъ, что дѣлаетъ что-либо нехорошее, а нерѣдко даже-нехотя, когда хотѣлъ бы удержаться отъ этой брани. Утромъ ли, въ полночь, во время совершенія литургій, въ праздникъ и въ день будничныи, если собралось нѣсколько человѣкъ гдѣ либо, то лучше обойдите эту компанію, иначе слухъ вашъ непременно

будетъ оскорбленъ срамнымъ словомъ. Гдѣ толпа, тамъ гнилое слово какъ будто виситъ въ воздухѣ... Удивляться только приходится, какъ это сквернословіе вошло въ такое чуть не всеобщее употребленіе, не смотря на его безсмысліе и мерзость? Какъ это человѣкъ можетъ дойти до того, что не стыдится публично обвинять себя въ оскверненіи, да при этомъ еще клеветать на себя и на другихъ?

Христіане—воины! Слово наше есть такой неоцѣненный даръ Творца, какого не имѣетъ ни одно живое существо. Ужели-же у насъ не найдется хорошихъ и добрыхъ словъ, достойныхъ этого дара? Вѣдь слово есть наилучшее средство для выраженія мыслей и чувствованій нашихъ. Что же мы должны подуматъ о ругателяхъ, оскорбляющихъ своими гнилыми словами слухъ окружающихъ? Не имѣемъ ли мы права думать, что у нихъ нѣтъ ни страха передъ Богомъ, ни стыда передъ людьми, что у нихъ сердце нечисто? Не чисто у человѣка сердце, переполнено оно безнравственными, нечистыми помыслами и желаніями, вотъ у него срамное слово и льется само собой, даже безъ его вѣдома. Такъ и Спаситель говоритъ: исходящее изъ устъ—изъ сердца исходитъ и это оскверняетъ человѣка. Знай же любитель гнидыхъ словъ, что любовь твоя къ нему даетъ право думать о тебѣ, что у тебя дурное, испорченное сердце! Помни и то, что это великій грѣхъ передъ Богомъ! Ап. Павелъ, перечисляя грѣхи, которые должны быть оставлены язычниками съ принятіемъ христіанства, упоминаемъ и о сквернословіи на ряду съ тяжкими грѣхами. Послѣ Апостоловъ св. отцы и учителя церкви, чтобы изгнать изъ рѣчи христіанъ всякое срамное слово, какъ противное ученію Христову, употребляли всевозможные способы убѣжденій и угрозъ. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ въ одномъ своемъ словѣ говоритъ: произносящій скверныя слова, если не покается, недостоинъ причастія Святыхъ Таинъ, недостоинъ даже входить въ храмъ Божій и прикасаться къ Святынямъ. Вотъ какими страшными лишеніями для души грозитъ Святитель Христовъ. И все это изъ за чего? Воръ воруетъ хоть изъ корысти. А въ сквернословіи... удовольствіе, польза или необходимость какая?

Христіане-воины! Все вышеизложенное говорилось вамъ съ искреннимъ желаніемъ вызвать васъ на борьбу съ постыдною привычкою браниться непечатными словами. Помня, что за всякое слово, не только срамное, но и праздное только, придется отвѣчать предъ Богомъ въ день суда, страдающіе вышеупомянутой дурною привычкою вооружитесь противъ нея всѣми

силами души, вырвите съ корнемъ изъ рѣчи своей сквернословіе, предостерегайте отъ него также и другихъ. Помните, что сквернословіемъ наносится безчестіе и русскому имени, любезному нашему отечеству. Къ великому нашему стыду, мы видимъ, что многіе, проживающіе въ Россіи люди разныхъ народностей, говорить толкомъ по русски не умѣютъ, а ругаются непремѣнно по русски и совершенно отчетливо. Отчего это инородцы изъ очень богатаго словами русскаго языка прежде всего усваиваютъ слова срамныя? Да, вѣроятно, оттого, что эти слова приходится имъ слышать всюду и чаще всего. А развѣ это не прискорбно?! Вѣдь это способствуетъ распространенію объ насъ дурной славы, о нашемъ будто бы невѣжествѣ и грубости, тогда какъ развитіе наше на самомъ дѣлѣ непрерывно идетъ впередъ. Подвергать себя незаслуженнымъ нареканіямъ изъ за какихъ-либо бессмысленныхъ дурныхъ словъ чрезвычайно обидно и досадно для того, кто любитъ свое отечество. А знайте, что, послѣ любви къ Богу, душа наша должна быть преисполнена любовію къ родинѣ. Особенно вамъ, воины, нужно быть осмотрительными, какъ въ поступкахъ, такъ и словахъ. Вы стоите на виду у иноземцевъ и инновѣрцевъ; по вамъ судятъ о нравахъ и обычаяхъ всего русскаго народа. Постарайтесь же съ честью поддерживать соединенную съ вашей службой роль представителей народныхъ! Не черните напрасно имя и честь вашихъ отцовъ и дѣдовъ! Никакое гнилое слово да не исходитъ изъ устъ вашихъ, а только доброе для назиданія. Сквернословіе вамъ, какъ христіанамъ, неприлично, повторяю слова Апостола Павла.

Полковой священникъ *Михаилъ Мудролюбовъ*.

Прощаніе Можайцевъ, ушедшихъ въ запасъ арміи, съ полкомъ и знаменемъ ¹⁾.

1-го декабря минувшаго 1907 г. 141-й пѣх. Можайскій полкъ уволилъ въ запасъ арміи нижнихъ чиновъ срока службы 1905 года.

Стройными рядами, съ оркестромъ полковой музыки во главѣ, шли уволенные въ запасъ Можайцы по улицамъ г. Орла, направляясь къ станціи желѣзной дороги.

¹⁾ Орловская рѣчь, 1907 г. № 298.

Молодецкій видъ солдатъ, ихъ веселыя блещущія здоровьемъ лица, хорошая обмундировка, — невольно останавливали на себѣ вниманіе посторонняго наблюдателя, которому въ настоящее время приходится нерѣдко видѣть на улицахъ города иную картину: блѣдные, плохо и грязно одѣтые, съ понуренными головами, съ котомками и сундучками — бредутъ съ вокзала новобранцы къ мѣсту своего назначенія.

Черезъ 3 года эти, подчасъ истощенные, бѣдно и грязно одѣтые люди, также, по увольненіи въ запасъ, стройными рядами пойдутъ на станцію желѣзной дороги, но пойдутъ здоровыми, краснощекиими, хорошо одѣтыми и не съ котомками за плечами: за ними повезутъ ихъ сундуки, наполненные всякимъ добромъ, нажитымъ на военной службѣ. Пойдутъ они, проникнутые благодарностью и горячею любовью къ своему Государю, готовые по первому зову своего Монарха-Самодержца, вновь собраться подъ знамена и лечь за Него и родину костью.

Наканунѣ увольнения въ запасъ 30-го ноября, въ полковой церкви Можайскаго полка происходило традиціонное прощаніе нижнихъ чиновъ, увольняемыхъ въ запасъ, съ полковой Святынею — Знаменемъ. Къ 9 час. утра въ церковь собрались всѣ нижніе чины, подлежащіе увольненію, а также всѣ фельдфебеля, сверхсрочные унтеръ-офицеры и другіе старые солдаты, прибыли всѣ г.г. офицеры полка во главѣ съ своимъ полковымъ командиромъ. Сюда-же было принесено и полковое знамя.

Послѣ напутственнаго молебна и слова, произнесеннаго полковымъ священникомъ о. Петромъ Соболевымъ, началось трогательное прощаніе со знаменемъ. Въ разныхъ углахъ церкви слышалось всхлипываніе: то, болѣе нервные, не могли сдержать охватившее ихъ чувство. У многихъ на глазахъ появились слезы...

Но солдату стыдно плакать: отвернувшись въ сторону, каждый старался, незамѣтно для другихъ, смахнуть платкомъ или прямо закорузлой солдатской рукой набѣжавшую слезу...

Въ порядкѣ, одинъ за другимъ подходили Можайцы къ своему знамени, цѣловали края его, и государственные гербы по угламъ, и вензель Императора Николая II, и икону св. Троицы, изображенную на знамени цѣловали по нѣсколько разъ, не спѣша, останавливаясь и всматриваясь въ знамя, какъ-бы желая запечатлѣть его въ своей памяти на всю жизнь, до гробовой доски.

Послѣ богослуженія состоялся обычный церковный парадъ. Молодцы запасные лихо прошли церемониальнымъ маршемъ, предшествуемые полковымъ знаменемъ.

По окончаніи церемоніи увольняемые въ запасъ были отведены во вновь выстроенное зданіе полковой учебной команды, гдѣ въ нижнемъ этажѣ для нихъ былъ устроенъ прощальный завтракъ.

Первая здравица была провозглашена командиромъ полка за Самодержца Всероссійскаго, Верховнаго Вождя русской арміи, обожаемаго Монарха Государя Императора. Громовые раскаты безконечнаго «ура» слились съ чудными звуками «Боже Царя храни!»... Пили и за Матушку Царицу, за надежду Россіи маленькаго Наслѣдника Цесаревича, за святую Русь, за армію, за родной Можайскій полкъ. Народный гимнъ, подъ восторженное «ура» солдатъ, былъ повторенъ нѣсколько разъ. Въ концѣ завтрака, увольняемый въ запасъ старшій писарь старшаго разряда Гусаконъ-Василуокъ, совершенно неожиданно для присутствующихъ, испросилъ разрѣшеніе командира полка прочесть написанное имъ стихотвореніе «На прощанье съ роднымъ Можайскимъ полкомъ». Вволнованнымъ голосомъ, съ большимъ душевнымъ подъемомъ Василуокъ прочелъ слѣдующее:

Друзья, товарищи, Можайцы!

Вотъ многіе изъ насъ

Подъ знамя собралися—

Уже въ послѣдній разъ.

Три года мы въ полку служили

Какъ добрая можайская семья,

Въ любви и единеньи

Какъ братья и друзья.

Добру насъ здѣсь учили,

Друга друга чтобъ любить,

И чтобъ по-христіански

Правдиво, честно жить.

Нашъ разумъ просвѣщали
Познаемъ добрыхъ словъ,
Въ сердцахъ же возжигали
Къ людямъ всѣмъ любовь,
Особенно учили
Отечество любить,
Вѣрой, — правдою
Царю Отцу служить;
Учили насъ въ терпѣнны
Свой трудъ приподнимать,
А трудъ героевъ славныхъ
Всегда изображать;
Учили жить для пользы
Простыхъ слѣпыхъ людей,
И быть примѣромъ жизни
Для юныхъ и дѣтей;
Учили насъ съ винтовками
И многому всему,
Чтобъ умирать безъ ропота
За родину свою;
Три года мы учились
Сей мудрости святой,
И много просвѣтились
Умомъ и всей душой;
Но больше здѣсь не будемъ
Учиться никогда,
Со знаменемъ простимся
Быть можетъ навсегда.
И такъ въ сей часъ прощальный
Размыслимъ межъ собой,
Друзья, о просвѣщенны
Въ средѣ сельской, родной.
Зачѣмъ усердно здѣсь-то,
Друзья, служили мы,
Зачѣмъ мы здѣсь учились
Въ прошедшіе тѣ дни,

Затѣмъ-ли чтобъ внѣ службы
 Опять во тьмѣ блуждать
 И наши всѣ науки
 Забвенію предать?

О, вѣтъ, друзья, товарищи,
 Мы тяжко согрѣшимъ,
 Когда науки наши
 Забвенію предадимъ;

Мы согрѣшимъ предъ Богомъ
 И совѣстью своей,
 Предъ нашимъ Государемъ
 И обществомъ людей;

Мы согрѣшимъ предъ всѣми,
 Кто намъ добра желалъ,
 И насъ трудомъ великимъ
 Ученьемъ просвѣщалъ.

И такъ, дадимъ здѣсь слово
 Присяги не забывать
 И дѣло по Можайски
 Въ жизни продолжать;

Но продолжать его мы будемъ
 Не только на словахъ,
 Но станемъ упражняться
 И въ практическихъ дѣлахъ,

Чтобъ быть примѣромъ жизни
 Въ средѣ простыхъ людей,
 Для юношей и старцевъ,
 И отроковъ дѣтей.

Не будемъ брать примѣра
 Отъ злыхъ людей враговъ
 Недобраго ученья
 И всѣхъ прескверныхъ словъ.

Оставимъ путь печальный
 Слѣбыхъ и злыхъ людей,
 Пойдемъ дорогой свѣтлой
 Воспитанныхъ присягою людей;

Тогда труды ученья
Для насъ не пропадутъ
И пользу для народа
Большую принесутъ,
И дѣло просвѣщенія,
Какъ трудъ любви святой,
Останется на вѣки
Въ семьѣ родной, простой;
Ужъ кости наши будутъ
Въ могилѣ истлѣвать,
Потомство-жъ вѣчно станетъ
Нашъ трудъ благословлять;
И въ сей и въ вѣчной жизни,
Во вѣкѣ, изъ рода въ родъ,
Намъ будетъ благодаренъ
За свѣтъ родной народъ.
Потрудимся усердно
Для родины святой,
Для просвѣщенья темныхъ
Простыхъ, родныхъ умовъ.
Обнимемъ по-братски,
Друзья, въ послѣдній разъ,
Вотъ наступилъ послѣдній
Сей трогательный часъ.
Прощайте, Полкъ и Знамя,
Нашъ командиръ прощай,
Трудись для блага родины
И насъ не забывай.
Прощайте, всѣ начальники,
Наставники, друзья,
Трудитесь съ любовію
За Русь и за Царя.
А мы Васъ всѣхъ начальниковъ
За трудъ любви святой
Благодаримъ усердно
Всѣмъ сердцемъ и душой.

Стихотвореніе это привело въ восторженный экстазъ присутствующихъ, опять громовое «ура», «Боже Царя храни»...

Такъ прощались Можайцы со знаменемъ и роднымъ полкомъ!

Д.

Изъ Манчжурскихъ воспоминаній.

Наканунѣ вербнаго воскресенья 9-го апрѣля 1905 года въ 5 часовъ вечера нашъ эшелонъ подошелъ къ станціи Гунчжулинъ, которая въ то время служила, такъ сказать, ближайшей базой нашей арміи. Здѣсь со всѣхъ сторонъ насъ охватилъ говоръ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ, всюду виднѣлись солдаты группами и по одиночкѣ въ довольно странныхъ и разнообразныхъ нарядахъ, а саженья въ ста отъ станціи раскинулся бивакъ нашихъ пластуновъ, прибывшихъ сюда нѣсколькими днями ранѣе насъ. Я полагалъ, что намъ позволить переночевать наступающую ночь въ вагонахъ, но жестоко ошибся. Вскорѣ отъ коменданта станціи пришло распоряженіе немедленно выгружаться и идти на ночлегъ верстъ за шесть отъ Гунчжулина. Какъ тяжело было покидать нашъ чистый, теплый и свѣтлый вагонъ, съ которымъ мы такъ сжились за 35-ть сутокъ пути. Выходить пришлось прямо въ грязь, потому что около поѣзда не было ни платформы, ни даже сухого мѣста. Казаки живо выгрузили лошадей, нагроулили вещи на двуколки и мы двинулись въ путь. Наши земляки пластуны, когда мы проходили мимо нихъ, встрѣтили насъ громовымъ и долго несмолкаемымъ «ура». Это дружеское привѣтствіе на чужбинѣ влило въ насъ струю бодрости.

Дорога сначала была сухая, но съ огромными выбоинами, а потомъ пошла такая грязь, какая, кажется, только и возможна въ одной поднебесной имперіи. Лошади вязли выше колѣнъ и едва, едва вытаскивали ноги. Въ одномъ мѣстѣ я хотѣлъ было объѣхать стороной, и попалъ въ такую трясиину, что едва не заплатился конемъ. Но вотъ наконецъ и ночлегъ— громадная полуразрушенная фанза, обнесенная глинобитной стѣной. На наше счастье во дворѣ нашлось много соломы и гаоляна. Сварили себѣ чай, устроили постели на канахъ и, благословясь, утомленные пережитыми впечатлѣніями уснули.

Утромъ, совершивъ краткую молитву съ казаками, я поѣхалъ служить литургію въ Гунчжулинскій храмъ. Особенно бываетъ сильна потребность общенія съ Богомъ, когда жизнь выбита изъ своей обычной колеи и въ будущемъ представляется совершенно неизвѣстной и исполненной опасностей! Кажется, никогда я не молился такъ горячо, какъ теперь за этой литургіей, и никогда такъ ясно не ощущалъ живительной силы молитвы. Послѣ литургіи я вышелъ обнабленнымъ, просвѣтленнымъ и готовымъ на всякія труды и опасности. Необычайная окружающая обстановка, которая вчера наполняла сердце мое тоской, сегодня какъ то взвинчивала и возбуждала желаніе поскорѣе слиться со всей этой массой войска, и на дѣлѣ примѣнить свои силы и способности на пользу Царя и родины.

Съ приходомъ остальныхъ эшелоновъ, полкъ нашъ расположился въ двухъ верстахъ отъ мѣста первоначальной стоянки въ деревнѣ Мадепу. Размѣстились очень хорошо; для штаба отведена крѣпкая и довольно чистая фанза. Слава Богу, пока не испытываемъ никакихъ лишеній.

Но вотъ наступаютъ великіе дни страстной седмицы; нужно подумать объ устройствѣ храма. Командиръ полка полковникъ Акуловъ, а нынѣ генераль-маіоръ, —человѣкъ въ высшей степени добрый, религіозный и отзывчивый на всякія нужды своихъ подчиненныхъ, для устройства церкви уступилъ собственную свою войлочную палатку, казаки пристроили къ ней брезентовый навѣсъ, поставили кресты и церковь вышла на славу. Въ великій четвергъ я отслужилъ водосвятный молебенъ, освятилъ ее и началъ отправлять всѣ положенныя по уставу богослуженія. Казаки были въ восторгѣ. Для нихъ, какъ для людей строго воспитанныхъ въ духѣ церковности, было бы очень тяжелымъ лишеніемъ отсутствіе молитвеннаго утѣшенія въ такіе великіе святыя дни. Особенно торжественно прошла встрѣча Свѣтлаго Христова Воскресенья. Невыразимымъ чувствомъ умиленія исполнились наши сердца, когда среди глубокой ночи далекія поля Манчжуріи огласились стройнымъ и могучимъ пѣніемъ дивнаго пасхальнаго тропаря: «Христосъ воскресе». Въ эту минуту охватившаго насъ религіознаго одушевленія мы совершенно забыли окружающую обстановку и всѣ слились въ единомъ чувствѣ прославленія Воскресшаго Христа, находя въ немъ единеніе со всѣми близкими и дорогими нашему сердцу, которыхъ мы оставили по ту сторону Урала. Послѣ литургіи я пошелъ въ нашу общую столовую, чтобы освятить пасхальный столъ. Боже мой, чего тутъ только

не было! Если бы не китайская фанза, то можно бы подумать, что мы дома. Спасибо доброму командиру за его заботливость о насъ.

Днемъ я ѣздилъ служить молебенъ въ Кизлярско-Гребенскій полкъ и артиллерійскій дивизионъ, а на второй день опять служилъ литургію въ присутствіи начальника дивизіи генераль-маіора Карцева.

23-го апрѣля состоялся смотръ нашей дивизіи Главнокомандующимъ. Когда войска проходили церемоніальнымъ маршемъ, я стоялъ въ его свитѣ и слышалъ какъ всѣ окружающіе восхищались молодецкимъ видомъ нашихъ полковъ. Да и нельзя было не восхищаться. Офицеры блистали серебромъ своего богатаго вооруженія. Казаки какъ на подборъ — люди все молодые, рослые, красивые въ своихъ живописныхъ черкесахъ и лихо заломленныхъ папахахъ, сдерживающіе кровныхъ горячихъ кабардинцевъ, производили чарующее впечатлѣніе. Главнокомандующій остался смотромъ очень доволенъ и сообщилъ намъ весьма пріятную новость, что черезъ день мы выступаемъ на крайній правый флангъ нашихъ армій подъ начальство генерала-адъютанта Мищенко. Вѣсть эта была принята съ искренней радостью. Мы гордились, что нашимъ начальникомъ будетъ такой храбрый, добрый и популярный генералъ, который съ начала кампаніи покрывъ себя неуваждаемой славой своихъ подвиговъ.

Слѣдующій день прошелъ въ приготовленіяхъ къ походу, а 25 го числа въ 7 часовъ утра, совершивъ напутственный молебенъ, мы двинулись въ путь. День былъ тихій, теплый и ясный. Для меня походное движеніе цѣлой кавалерійской дивизіи да еще по Манчуріи было новинкой. Я съ живымъ интересомъ разсматривалъ окружающую природу, китайцевъ, ихъ жилища, поля и несложныя, но кропотливыя полевыя работы, благодаря которымъ они достигаютъ прекраснаго качества своей почвы и дивныхъ урожаевъ. Впрочемъ интересъ мой скоро притупился. Пройдя верстъ 40, я почувствовалъ страшную усталость, во рту пересохло, болѣла голова и ломило ноги и поясницу, а между тѣмъ до ночлега оставалось еще верстъ 20. Въ Маймакаѣ на походѣ насъ смотрѣлъ командующій 2-й арміей баронъ Каульбарсъ. Казаки были утомлены, но тутъ въ виду блестящаго генералитета пріободрились и грянули пѣсни. Наконецъ часовъ въ 8 вечера раздалось желанное «слѣзай» и я немедленно растянулся подъ развѣсистымъ тополемъ, расправляя свои усталые члены.

Этотъ первый большой переходъ почти безъ всякаго отдыха, если не считать самыхъ кратковременныхъ остановокъ, имѣлъ очень дурныя по-

слѣдствія для нашего конскаго состава. Не втянувшись въ работу, лошади послѣ этого перехода обезсилили, а многія сбили себѣ спины и не могли вынести послѣдующаго труднаго набѣга.

Утромъ 25-го числа снова двинулись въ путь и около полудня достигли города Балианчена, гдѣ насъ встрѣтилъ и привѣтствовалъ нашъ дорогой отнынѣ начальникъ генераль-адъютантъ Мищенко. Молодые кавказцы съ наивнымъ восторгомъ смотрѣли на этого суроваго съ виду, прославленнаго ветерана, а онъ, характерно опираясь на палку, призывалъ ихъ поддержать славу доблестнаго російскаго казачества, обѣщая дать трудную отвѣтственную работу.

На слѣдующій день въ 10 часовъ утра всѣ командиры частей были приглашены къ генералу Мищенкѣ на совѣщаніе. Мы съ нетерпѣніемъ ждали его результатовъ. Наконецъ пришелъ командиръ полка и объявилъ намъ, что завтра утромъ мы выступаемъ въ самое гнѣздо хунгузовъ, причемъ было приказано всѣ обозы оставить на мѣстѣ и взять только самые облегченные выюки. Откровенно говоря, мы мало вѣрили сообщенію командира полка, и ожидали болѣе серьезнаго чѣмъ походъ на хунгузовъ, что впоследствии и оправдалось.

Съ полудня началъ подувать вѣтерокъ, который постепенно усиливаясь, вскорѣ обратился въ страшный ураганъ. Это и былъ тотъ знаменитый «тайфунъ», о которомъ я до сихъ поръ имѣлъ представленіе только по книгамъ и долженъ сказать представленіе очень слабое. То, что теперь происходило въ природѣ предъ моими глазами, превзошло всѣ мои ожиданія. Вѣтеръ съ страшнѣйшей силой гналъ цѣлое море песку и пыли. Небо, земля и воздухъ обратились въ одну сплошную желтую клокочущую массу, въ которой можно было двигаться только съ громадными усилиями. Мы сидѣли въ палаткахъ, держась за ихъ полы и задыхались отъ мелкой пыли, которая какъ черезъ сито просѣвалась черезъ полотно. Ъсть и пить было не возможно, такъ какъ все было густо посыпано пескомъ и страшно хрустѣло на зубахъ. Такъ мы провели время до 6-ти часовъ утра, когда было приказано сѣдлатъ лошадей. Передъ выстроившимся полкомъ я прочиталъ краткую напутственную молитву, осѣнилъ всѣхъ св. Крестомъ и мы потянулись черезъ Балианченъ. Жизнь въ городѣ, какъ я замѣтилъ, замерла совершенно, магазины были закрыты и всѣ китайцы попрятались въ фанзы. Чтобы хоть сколько нибудь защититься отъ песку, я завѣсилъ лицо платкомъ, оставивъ маленькія щелочки противъ глазъ, это конечно въ нѣкоторой сте-

пени помогло, только затрудняло дыханіе, такъ какъ платокъ отъ встрѣчнаго вѣтра очень плотно облегалъ лицо. Въ этотъ день полкъ нашъ былъ авангардомъ. Пройдя верстъ 25, мы ожидали, что скоро достигнемъ цѣли нашего сегодняшняго движенія. Каково же было наше удивленіе, когда было приказано воротиться назадъ. Оказалось, что мы оторвались отъ главныхъ силъ, взяли неправильное направленіе и верстъ на 12 ушли въ сторону. Это извѣстіе обезкуражило насъ совершенно. Пройти по такой погодѣ лишнихъ 24 версты не шутка. Но дѣлать нечего. Потянулись назадъ, обратившись изъ авангарда въ аріергардъ. На наше счастье послѣ полудня «тайфунъ» началъ стихать, мы вздохнули свободнѣе и съ закатомъ солнца пришли на ночлегъ въ деревню Гуюши, красиво разбросавшую свои маленькія фанзы среди зеленѣющихъ рощъ и садовъ на берегу большой и очень быстрой рѣки Дун-Ляохе. Первымъ дѣломъ конечно набросились на чай. Но что это былъ за чай? Скорѣе онъ походилъ на какой-то черный сиропъ, такъ много въ немъ было грязи, и тѣмъ не менѣе мы пили его съ величайшимъ наслажденіемъ.

Ночь эта прошла не спокойно. Въ сторожевомъ охраненіи слышалась перестрѣлка. На утро оказались ранеными два китайца, которые, какъ выяснилось, пробирались къ нашему расположенію и не отвѣтили на оклики часовыхъ. Въ 8 часовъ утра къ намъ подошла артиллерія Урало-Забайкальской дивизіи, а въ 12 часовъ, въ бродъ переправившись чрезъ Дун-Ляохе, мы двинулись въ селеніе Ляоянвопынь верстъ за 20 отъ Гуюши. Шли все время подъ дождемъ съ частыми и длинными остановками. Въ развѣздахъ велась перестрѣлка съ хунгузами, а Ляоянвопынь былъ занятъ соединеннымъ отрядомъ японцевъ и хунзовъ, которыхъ атаквали Уральцы и Забайкальцы; къ вечеру непріятель отступилъ и мы заняли это небольшое, но весьма благоустроенное селеніе.

Утромъ 30-го апрѣля нашъ и Екатеринодарскій полки подъ проливнымъ дождемъ двинулись, чтобы занять селеніе Тапингай, лежащее верстъ на 7 къ юго-западу отъ Ляоянвопыня. По дорогѣ я наблюдалъ очень печальную картину. Какъ остатки вчерашняго побоища въ самомъ селеніи валялись убитыя свиньи, сидѣлъ и протягивалъ къ намъ руки должно быть случайно раненый китаецъ; всюду валялись изорванныя конторскія книги и обгорѣлыя куски матеріи. По всему было видно, что Ляоянвопынь—мѣстечко бойкое и торговое. Тутъ были прекрасныя магазины, хотя уже безъ товаровъ, роскошно отдѣланныя фанзы, богатая кумирня и громадныя по-

стоялые дворы со множествомъ каменныхъ колодъ. Придорожныя фанзы за селеніемъ всѣ были брошены жителями, вокругъ нихъ, жалобно хрюкая, бродили голодныя стада свиней. Китайскія собаки, теперь единственные охранители достоянія своихъ хозяевъ, при одномъ нашемъ приближеніи поджимали хвосты и въ ужасѣ метались около своихъ жилищъ, или безъ оглядки убѣгали въ поле. Вскорѣ я увидаль передовые посты нашего охраненія, значить мы вступаемъ въ районъ расположенія японцевъ.

Громадное селеніе Тапингай, къ которому мы подходили съ большими предосторожностями, раскинулось на четыре версты по южному склону пологихъ холмовъ и представлялось издали одной сплошной аллеей роскошныхъ могучихъ тополей и вязовъ. Оно не только оказалось свободнымъ отъ непріятели, но и покинутымъ большинствомъ жителей. Послѣдніе, очевидно бѣжали очень поспѣшно, такъ какъ большинство фанзъ были истопленными, а въ нѣкоторыхъ былъ даже готовый обѣдъ. Мы конечно заняли лучшія фанзы и старались согрѣться чаемъ, но не успѣли выпить и по одному стакану, какъ двѣ наши сотни, высланныя въ сторожевое охраненіе, завязали перестрѣлку съ непріателемъ, сначала огонь былъ слабый, а потомъ усилился и даже послышались залпы. Обезпokoенный послѣдними генераль-маіоръ Логвиновъ приказалъ выслать въ охраненіе еще двѣ сотни. Я со слезами на глазахъ благословилъ выступавшихъ казаковъ думая, что они идутъ на смерть, потомъ и самъ отправился вслѣдъ за ними. По выѣздѣ изъ Тапингай передъ нами открылась громадная равнина, на которой далеко, далеко стояла рѣдкая цѣпь нашихъ дозоровъ. Кой гдѣ виднѣлись небольшія рощицы, въ которыхъ засѣли наши заставы и вели перестрѣлку съ японскими постами. Убѣдившись, что непріатель ничего серьезнаго противъ насъ не предпринимаетъ, мы возвратились назадъ.

(Продолженіе впрѣдъ).

† Протоіерей Петръ Стефановичъ Кашпуревъ.

(Неврологъ).

Тяжелое чувство невольной тоски овладѣваетъ человѣкомъ при извѣстіи о смерти каждаго дѣятеля-труженика, заявившаго себя посильной работой на пользу ближняго. Еще прискорбнѣе, если человѣка сразила смерть въ самомъ разцвѣтѣ силъ, въ разгарѣ его общественной дѣятельности. Незмѣримо тяжелѣе и печальнѣе, если человѣкъ погибъ насильственной смертію,

заплативъ жизнью за свои убѣжденія. Но нѣтъ и не можетъ быть болѣе безысходно: грусти, когда такая смерть постигнетъ челоуѣка отъ рукъ людей для него самыхъ близкихъ. Всѣ эти печальныя обстоятельства имѣли мѣсто, соединившись въ одно цѣлое-нераздѣльное, въ судьбѣ настоятеля церкви Шостенскаго порохового завода, протоіерея Петра Кашпурева, скончавшагося 24-го декабря минувшаго года при обстоятельствахъ, носившихъ характеръ ужасной, леденящей крови, драмы. «Наканунѣ праздника Рождества Христова въ позади Шостка убитъ протоіерей Кашпуревъ и его жена своимъ сыномъ студентомъ университета, который самъ тутъ же застрѣлился».

Такова была краткая телеграмма объ этой поражающей драмѣ, напечатанная почти во всѣхъ газетахъ. Не вѣрилось такому извѣстію, но къ несчастію оно оказалось вполне вѣрнымъ. Выдающійся пастырь, талантливый проповѣдникъ и законоучитель, кипучій работникъ на нивѣ народной, дѣятель «не за страхъ, а за совѣсть» — протоіерей Петръ Стефановичъ дѣйствительно погибъ отъ руки своего сына «сознательнаго студента», убившаго тутъ же и свою мать. Тяжелая грусть по поводу такой смерти увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что несчастные родители души не чаяли въ этомъ своемъ сынѣ, и не жалѣли ничего для его воспитанія.

Ужасное событіе совершилось такъ. Въ 11 часу ночи, когда П. С. собирался уже спать послѣ своего тяжелаго трудового дня, въ столовой сынъ его студентъ наставлялъ на гибельный путь своего меньшаго брата гимназиста, поучая, что Бога нѣтъ, что религію и совѣсть выдумали государственныя власти для того, чтобы держать большинство людей въ страхѣ и этимъ путемъ пользоваться ими для своихъ выгодъ. Нужно сказать, что между отцомъ и сыномъ происходили частыя ссоры изъ-за вольномыслія и поведенія послѣдняго. Къ какимъ только средствамъ не прибѣгалъ бѣдный отецъ, чтобы отрезвить своего блуднаго сына! Но ни увѣщанія, и угрозы отца, ни слезы матери не дѣйствовали на вполне «сознательнаго товарища», а подготавливали развязку.

Вызванный въ роковой часъ женою, услышавшей бесѣду сыновей, П. С. обратился къ сыну съ словами укора и упрека, говоря, что онъ не можетъ терпѣть въ своемъ домѣ анархиста, развращающаго ребенка. Признательный за любовь сынъ, схвативъ револьверъ, тремя выстрѣлами покончилъ съ отцомъ, матерью и собой. Единственнымъ свидѣтелемъ этой драмы былъ младшій сынъ покойнаго П. С., ученикъ Новгородскаго сѣверской гимназіи. Излишне говорить, какъ взволнована была этимъ со-

бытіемъ вся Шостка. Тутъ снова совпали и ужась смерти и всеобщая любовь шостенцевъ къ своему пастырю-духовнику. Почившій протоіерей П. С. былъ далеко не зауряднымъ человѣкомъ и пользовался большими симпатіями во всѣхъ сферахъ общества, съ которыми только соприкасался.

Уроженецъ Черниговской губерніи и воспитанникъ мѣстной семинаріи, покойный началъ свою служебную дѣятельность въ родной епархіи, откуда перешелъ затѣмъ на службу въ военное вѣдомство. Служа сначала баталіоннымъ священникомъ на Кавказѣ, потомъ священникомъ Тираспольскаго госпиталя и наконецъ настоятелемъ шостенской церкви, П. С. всегда и вездѣ имѣлъ завидную репутацію энергичнаго общественнаго дѣятеля. Особенно плодотворна была дѣятельность его въ Шосткѣ. Обладая выдающимися ораторскими способностями, покойный П. С. своимъ проповѣдничествомъ достигъ того, что большая часть рабочихъ осталась преданной Церкви и Престолу и агитація революціонеровъ въ Шосткѣ потерѣла полное фіаско. Ненависть агитаторовъ къ покойному не имѣла границъ. Не разъ получалъ онъ угрожающія письма съ требованіемъ уйти изъ Шостки, но, будучи человѣкомъ стойкихъ убѣжденій, не обращалъ на нихъ вниманія. Отзывчивый на всякое доброе дѣло, П. С. особенное вниманіе обращалъ на свой храмъ, который благоустроилъ и украсилъ. При непосредственномъ участіи и содѣйствіи покойнаго, въ Шосткѣ были учреждены ясли для дѣтей, благотворительное общество для бѣдныхъ рабочихъ, вечернія занятія для взрослыхъ. Энергичный и дѣятельный, онъ рѣшительно не зналъ отдыха и покоя, и былъ личностью въ этомъ отношеніи почти исключительной.

Вѣсть о его смерти повергла въ глубокую печаль не только жителей Шостки, но и горожанъ Тирасполя, гдѣ покойный священствовалъ и законоучительствовалъ болѣе 10 лѣтъ, принимая живѣйшее участіе во всѣхъ радостяхъ и печаляхъ города и оставивъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія.

Не безызвѣстенъ былъ покойный П. С. пишущему строки эти и лично. Мы знали его, какъ земляка и предшественника по службѣ въ Кролевецкомъ благотворительномъ обществѣ въ качествѣ законоучителя и учителя содержимой обществомъ школы. Знали покойнаго, какъ сослуживца по благочинію Одесскаго военнаго округа. Радужный, веселый, остроумный и словоохотливый, онъ невольно располагалъ къ себѣ каждого и, кажется, способенъ былъ разсѣять всякую грусть. Кролевецкое благотворительное общество избрало П. С., за разнообразную и разносто-

ронную дѣятельность, въ свои постоянные почетные члены, и воспоминанія о немъ, какъ дѣятельномъ членѣ и добромъ человѣкѣ, навѣрное до сихъ поръ живы въ сердцахъ кралевецкихъ гражданъ. Проводы его изъ Тирасполя въ Шостку были настоящимъ триумфомъ. Покойный П. С. часто сожалѣлъ, что оставилъ Тирасполь, съ которымъ у него были тѣсныя душевныя связи.

Лучшимъ показателемъ уваженія и расположения Тираспольцевъ къ П. С. можетъ быть слѣдующій фактъ. Въ 1903 году, при открытіи въ городѣ реального училища, городская дума единогласно постановила ходатайствовать о назначеніи туда законоучителемъ П. С., хотя онъ, какъ военный священникъ, былъ для города какъ бы человѣкомъ постороннимъ.

Какъ земляки, мы были и въ перепискѣ. Письма П. С. никогда не были короче 3-хъ листовъ и дышали кипучей дѣятельностію.

Въ полномъ разцвѣтѣ силъ и здоровья отошелъ П. С. въ вѣчность, оставивъ свою жизнь доблестный примѣръ и завѣтъ своей братіи. Его безвременная кончина, какъ краснорѣчивый придатокъ къ его горячимъ рѣчамъ, должна служить нѣмымъ укоромъ тѣмъ несчастнымъ «сознательнымъ убійцамъ», которые, какъ и его сынъ, потеряли страхъ Божій и заглушили чувство долга и голосъ собственной совѣсти.

Миръ праху твоему, дорогой и незабвенный собратъ и сослуживецъ!

Протоіерей Іоаннъ Бугославскій.

Содержаніе. Часть офиц.: Высоч. награды.—Распоряженія О. Протопресвитера: о сборѣ въ пользу Попечительства о глухонѣмыхъ и проч.—Часть неофиц.: Объ исповѣди.—Предъ причащеніемъ.—Молитва.—Тайна исповѣди.—Привычка къ сквернословію предъ Богомъ грѣховна и для Отечества позорна.—Прощаніе Можайцевъ съ полкомъ и знаменемъ.—Изъ Манчжурскихъ воспоминаній (продолженіе впродъ).—† Протоіерей П. С. Кашпуревъ.

Редакторъ, Прот. Іоаннъ Таранецъ.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 26-го Февраля 1908 г.

Старшій цензоръ Архимандритъ Филаретъ.